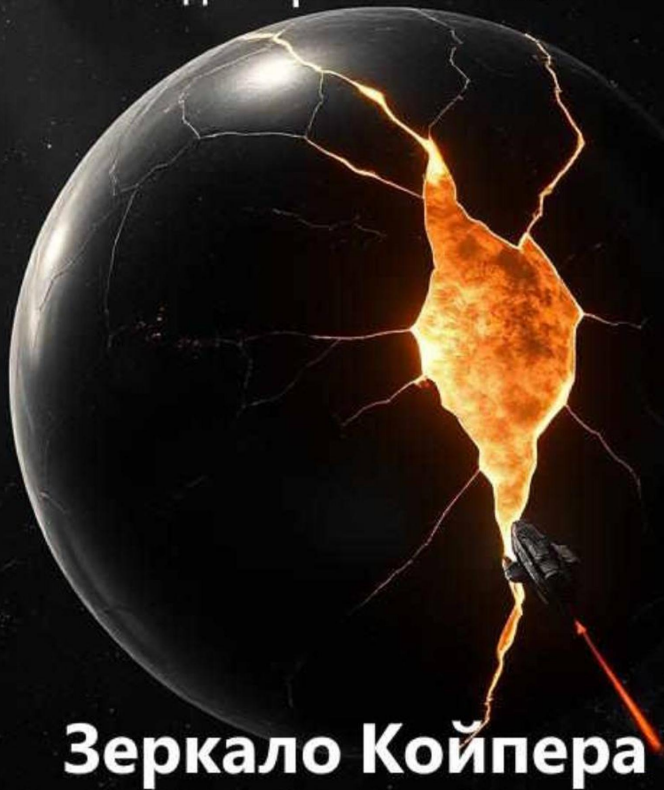

Владимир Кожевников

Зеркало Койпера

Владимир Кожевников

Зеркало Койпера

<https://litres.ru/74146282>

SelfPub; 2026

Аннотация

В ледяной пустоте Пояса Койпера команда старого буксира «Мотылёк» находит идеально чёрную сферу, не излучающую тепла. Артефакт не нападает — он показывает каждому члену экипажа его заветную мечту: погибшую любовь, невозможные формы жизни, совершенные кристаллы. Эти видения настолько прекрасны, что биолог пытается создать инопланетное существо у себя в лаборатории, а геолог — перестроить обшивку корабля в ледяной сад. Но чем глубже они погружаются в этот рай, тем яснее капитан Элиас Вэйн понимает: Зеркало не дарует — оно высасывает творческий потенциал и саму волю, превращая цивилизации в пастбища для сбора несбывшихся реальностей. Когда экипаж оказывается на грани полного растворения в иллюзии, Вэйн должен сделать выбор: погибнуть в пламени реактора, но уничтожить соблазн, или позволить человечеству навсегда утонуть в идеальном, но пустом отражении. Итогом становится не просто акт самопожертвования, а вирус, способный разрушить совершенную логику древнего паразита.

Содержание

Глава 1. Сигнал в Пустоте	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Владимир Кожевников

Зеркало Койпера

Глава 1. Сигнал в Пустоте

Командир Элиас Вэйн смотрел в телескопический визир так долго, что глаз залило жидкой темнотой. Он отстранился, проморгался, отгоняя фантомные искры, и вновь приник к окуляру. Сетка прицела дрожала в такт его сердцебиению — старому, неровному ритму, который корабельный врач когда-то назвал «музыкой изношенного миокарда».

«Мотылёк» висел в гравитационной колыбели Лагранжа L4, где притяжение Солнца и Нептуна гасили друг друга. Тишина здесь была не пустотой — она была субстанцией. Вязкой, как смола, заливающей уши, просачивающейся в мысли. Элиас иногда ловил себя на том, что разговаривает с этой тишиной, и тогда она отвечала ему эхом его же голоса, отражённым от переборок.

Ему было пятьдесят семь, и двадцать из них он добывал лёд в Поясе Койпера. Лицо напоминало замерзшую воду — сеть глубоких, хаотичных трещин; шрамы от двух разгерметизаций, едва не стоивших ему жизни; белесые брови, выцветшие под ультрафиолетом незащищённых выходов. Ледорубы не старели — они мумифицировались заживо в су-

хом, как пустынный ветер, регенерированном воздухе. Каждая вахта отнимала частицу плоти, заменяя её инеем.

Элиас помнил другие времена. Времена Первой Волны, когда Пояс осваивали не вахтовики с комфортными контрактами, а одержимые, отчаянные, готовые умереть за кубометр водяного льда. Тогда корабли взрывались, люди гибли от холода и радиации, а спасательные капсулы чаще становились гробами. Он был одним из тех, кто выжил, — и до сих пор не знал, благословение это или проклятие.

В рубку вплыл Зак. Биолог, двадцать восемь лет, из нового поколения — тех, кто вырос в городах-садах под управлением Искусственного Интеллекта и считал космос романтикой. Его кудрявые волосы вечно стояли дыбом от статики, а в глазах горел огонь нерастраченного энтузиазма. Элиас помнил, как два года назад, при первой встрече, этот мальчишка заявил: «Я хочу найти жизнь за пределами Земли». Тогда Элиас только хмыкнул. Здесь, в царстве холода, жизни не было и быть не могло.

— Командир, датчики засекли аномалию в секторе 7-G. — Голос Норы просочился в рубку сквозь потрескивание помех. Нора Хирш, геолог, тридцать четыре года, сухая как её же образцы, всегда говорила так, будто взвешивала слова на аналитических весах. — Объект не классифицируется ни по одному каталогу. И у него нет тепловой сигнатуры. Вообще. В инфракрасном диапазоне — черный ноль.

Элиас выдохнул облачко пара. Отопление гнали по ми-

нимуму — экономия каждого ватта. Он провёл ладонью по пульту, стирая изморозь.

— Неопознанный металлолом?

— Отрицательно. Узконаправленный, повторяющийся сигнал. Сложный паттерн. Ритмичный. — Она помедлила.
— Как пульс.

— Может, это корабль поколений? — Зак оттолкнулся от переборки, подплывая ближе к экранам. — Или зонд Брей-свелла? Помните, в архивах были сообщения о чужеродных артефактах в Облаке Оорта?

— В Облаке Оорта, — повторил Элиас с нажимом. — А мы в Поясе Койпера. Это как спутать лужайку перед домом с соседним континентом.

— И всё же...

— Древний отражатель, забытый на окраине, — отрезал Элиас, но внутри шевельнулась ледяная игла тревоги. Слишком чистый пульс. Слишком совершенный для хаоса природы. Паттерн напоминал биение метронома, отбивающего ритм с нечеловеческой точностью. За двадцать лет в космосе Элиас научился чувствовать неправильность — особый холодок в позвоночнике, древний инстинкт, доставшийся от предков, которые боялись темноты не потому, что в ней кто-то был, а потому, что в ней могло никого не быть.

«Мотылёк» начал манёвр. Гироскопы взвыли, накрывая судно. Компенсаторы инерции с трудом гасили приливы центробежной силы. Корабль стонал каждой балкой, и Элиас

слышал в этих столах голос старого друга. Он знал «Мотылёк» лучше, чем знал когда-то собственное тело. Каждая дрожь больного шпангоута отдавалась в его поясице. Каждый сбой в системе вентиляции он чуял раньше, чем датчики.

— Визуальный контакт через десять секунд, — объявила Нора.

Изображение синтезировалось из эха радаров, лидарных отражений и квантовых светоснимателей. Сначала — провал в звёздной россыпи, чёрная клякса на бархате Млечного Пути. Затем — идеальная окружность, словно начертанная божественным циркулем.

Сфера.

Черная. Матовая и одновременно зеркальная. Противоречие резало глаз, вызывая мигрень, где-то за лобной костью. Поверхность игнорировала законы оптики, оставляя на сетчатке чувство незавершённости — мозг не мог сфокусироваться на предмете, который не был до конца материальным. Она словно существовала в зазоре между реальностью и её отсутствием.

— Альбедо... — начал было Зак и осёкся.

— Свет возвращается, — перебила Нора, и в её голосе впервые прорезалась трещина. — С той же фазой... но... Боже, вы видите это? Ледяные дворцы... сталагмитовые леса... кристаллические решётки невероятной сложности...

Она замолчала. На скулах выступили пятна румянца —

лихорадочного, нездорового. Элиас никогда прежде не видел, чтобы Нора краснела. Она видела свои ледяные структуры — те, что рисовала в снах, те, ради которых пошла в геологию, те, которые годами не могла воссоздать в лаборатории.

Зак вскрикнул. Отшатнулся от экрана, указывая трясущимся пальцем:

— Там... существо! Живое! Кремниевая форма жизни, дышащая жидким метаном... метаболизм на силанах... невозможный, противоречащий всему, чему нас учили... Я... я же мог его создать! Я видел эти цепочки во сне, ещё в университете, до того, как...

Он осёкся, прижимая ладонь ко рту. В его расширенных зрачках отражалось нечто, невидимое для остальных.

В воздухе рубки, безо всяких проекторов, пахло озоном и мокрой землёй. Запах, которому неоткуда было взяться на корабле, где воздух фильтровался столетиями.

Элиас увидел Сару.

Живую.

На берегу марсианского озера, которого не существовало в реальности. Но оно существовало в нём — двадцать лет назад, когда они только встретились и строили планы о терраформировании. Ветер трепал её русые волосы, те самые, что он перебирал пальцами по ночам. Смех. Переливчатый, забытый. Она протянула руку — туда, за край голограммы, — и её пальцы были настоящими. Тёплыми.

Десять лет «Зелёной чумы». Десять лет ледяной корки на душе лопнули в один миг. Боль хлынула, как кровь из вскрытой артерии. Элиас почувствовал, как колени слабеют, как воздух в лёгких становится стеклом. Он не закричал. Он разучился кричать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.